

М. Усов

Весна

ОЧЕРК

Рис. А. МУРАВЬЕВА и П. ГОРБАНЬ

1.

По из давней крестьянской привычке Максим Денисович Байбарак просыпался с петухами. Еще не соскочив с нашеста, петухи горланили по дворам.

Торопливо одевшись, накинув пальто на плечи, Максим Денисович откинул дверной крючок. Холодная сырость сразу охватила его и, казалось, вместе с дыханием проникла внутрь. И привычные заботы легли на сердце Максима Денисовича. Чуть подсохнет почва, лишь бы не мазала борона, надо закрывать зябь. А тут зарядили дожди. Нужны, ой, как нужны дожди, да не сейчас. Где они были в августе, сентябре, наконец — в октябре и ноябре? В сентябре — лучшая пора осеннего сева. Поля словно отдохнули после жатвы, вспаханные — снова готовы принять в черноземное лоно пшеничное семя, дать ему новую жизнь... Но не таким оказался прошлый сентябрь. Рыжими, серопепельными лежали поля. Глыбы, как булыжники, сплошь покрывали вспаханные стогектарки. Напрасно глаз искал зелень озимых всходов. Зерно, не дав ростков, лежало в сухой почве. Солнце жгло. Злой сухой поднимал пыль, затемнял даль.

«Эх, где ты тогда был? — горестно вздохнул Максим Денисович. — Вот когда ты нужен был. Как же нужен!»

Он думал о дожде, как о животворящей силе, вел с ним внутренний разговор — спрашивал, укорял, требовал.

Оглушительный петушиный крик вывел Максима Денисовича из оцепенения, состояния скованности. «Чего-ж это я время теряю!» — всполошился он, направляясь было к калитке, где обычно и в будни, и в праздники поджидал его в этот ранний час газик-вездеход. Но еще не дойдя до калитки, вспомнил, что газик сегодня не придет, не будет его поджидать

в трех шагах от ограды, что никуда он не поедет. И, круто повернувшись, Максим Денисович быстро зашагал к дому. Заснуть, однако, он не мот. Вновь поднялись тревоги, томила неясность — как быть, что же дальше?

Еще пареньком, не изжившим мальчишеской торопливости, пришел он в сельскохозяйственную коммуну. Здесь впервые увидел трактор. Это был не свой отечественный трактор, а доставленный издалека иноземец — «фордзон». Много надежд возлагали на трактор первые коммунары. Но никто из них никогда не брался за руль, не заводил такую машину. Ребятами обряжали лошадей или волов в бричку, умели впрягать их в плуг или конную сеялку. Но как подступиться к трактору, как заставить его работать на людей, — никто не знал. Пришлось после долгих поисков пригласить человека со стороны, уверявшего, что трактор для него не диковинка, что он его заставит делать положенное.

К пришлому человеку коммунары выделили «подучиться» двух ребят посмышленнее из тех, кто «липнет» к машинам. Одним из этих учеников оказался Максим Байбарак. Но не удалось ни ему, ни его дружку Коле Шевченко подучиться, перенять знания. Вскоре вольнонаемный «инструктор» скрылся, бросив «фордзон» на не вспаханном поле. Не видя иного выхода, коммунары поручили самим ребятам наладить трактор. «Вы — комсомольцы!» — аргументировали коммунары свое решение. Очень это ободрило ребят, ведь вся теперь надежда на них. Без такого, всерьез оказанного доверия, едва ли бы они выдержали первое жизненное испытание. Ребятам пришлось где пешком, где поездом добраться до Пятигорска — центра

тогдашнего Терского округа. Немало порогов переступили сельские ходоки, обращаясь за помощью. Кто сочувствовал, а кто потешался, — всякие люди встречались. Живое участие в судьбе трактора приняли: комсомольцы из окружкома. И вот на руках у ребят заветная техническая инструкция — руководство по сборке и разборке трактора «фордзон», его технической эксплуатации. Дороже всякого клада была для Максима и его дружка тоненькая книжечка. Чуть свет-заря, согнав крепкий ребячий сон, принимались они за разборку трактора. Дело это шло без, особых затруднений и задержек. Но когда разобрали трактор, глянули на его части и детали — страх охватил неопытных механизаторов. Что же они наделали? Как теперь собрать воедино все эти железные части? А тут люди подходят, интересуются, напоминают — поскорее, а то время подгоняет крепче кнута, сеять самая пора. Кое-кто в сердцах даже ругнет ребят: «Разломали машину, эх, вы, мастера!»

Ведь какое давнее дело припомнил, а волнуется, берedit сердце.

— А все-таки собрали «фордзон!» — словно отвечая кому-то, пробормотал Максим Денисович.

— Ты что, а?... — не приподнимая головы с подушки, спросила жена и не дождавись ответа заснула.

Прислушиваясь к спокойному дыханию жены, он думал о ней, о первых днях знакомства, совпадавших с его работой на «фордзоне». Представил ее

девушкой — невысокой, худенькой, с быстрыми движениями. Как она обрадовалась, когда трактор после пятой по счету оборки задымил и застрекотал...

И, ведь, скажите, как крепко засел в Максимовой памяти неказистый «фордзон»! Любой болтик помнится. Среди десятков других тракторов враз бы его отличил.

Только где ему, «фордзону», тягаться с остальными тракторами, что с годами во все больших количествах шли на поля! Иноземные марки уступали место отечественным. На первых порах колесным, как и «фордзон», а затем гусеничным, дизельным, с кабинами для трактористов.

...Нет, не заснуть Максиму Денисовичу. Картины прожитой жизни следуют одна за одной. То он — тракторист, то — бригадиру то — механик по сельскохозяйственным машинам, а вот уже директор Богословской, машинно-тракторной станции. До него, Байбарака, на этом деле находился Федько. Под всякими бумажками расписывался он печатными буквами. Обычно выписывал он свою и без того короткую фамилию неполностью: Федь. А заместителем его была Акулина Брилёва, она сейчас заведует детскими яслями в колхозе имени Сталина.

При упоминании колхоза никогда не испытанные раньше тревоги с новой силой одолели Максима Денисовича. Были конечно, и в прошлом, и совсем в недавнем-прошлом тревоги за колхоз. То градом посечет пшеницу на корню, то с хлебосдачей у колхоза заминка, то овец «тишком» выгонят на озимые посевы, да мало ли тревог выпадало на его долю! Он привык к ним, привык к заботам, они были неизбежны и естественны, как смена дня ночью и ночи днем. Ему, как директору МТС, представителю Советского государства, следовало осуществлять ту или иную меру власти. Да и сами чабаны, едва завидев директорский газик, торопились согнать с зеленой отару. А когда Байбарак подъезжал на машине, чабаны и не делали попыток оправдаться: «Наша ошибка,— заявляли они.— Наш недогляд. Бильше цего не буде»...

А как быть Байбараку теперь? Был он директором машинно-тракторной станции, а стал кем? По названию, по должности остался тем же — директором. Но что у него имеется? Глянешь на усадьбу МТС — голо. А давно ли здесь ровными рядами стояли выпущенные из ремонта тракторы. Мощью веяло от них. И проходя по двору, Максим Денисович каким-то особым, механизаторским, чувством ощущал эту скрытую в металле мощь. Теперь эта сила ушла в колхозы. Там теперь тракторы, там комбайны, сеялки, плуги, культиваторы, все эти прицепные машины, без которых трактор, что человек без рук, без ног.

Так надо! Пришло время передать технику в колхозы. Сколько раз Максим Денисович раскрывал газету, с первого слова принимался читать, строку за строкой, постановление Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций».

Да, так надо. Он не возражал. Старый коммунист, пришедший в партию из комсомола, Байбарак знал аилу предвидения, мудрость решений партии. Знал, как идеи партии, проникая в народ, овладевая массами, становились непреодолимой богатырской силой. От этой силы преображалась жизнь, ускорялось движение истории. Он сам, как член партии, частицей своего труда, своей организаторской деятельности в какой-то доле помогал идеям воплотиться в материальную силу. От этого он получал большое внутреннее удовлетворение, это помогало ему общее партийное дело превращать в свое личное, необходимое ему занятие. Так следовало поступать и сейчас, когда Пленум ЦК принял огромной важности решение. И Байбарак не мудрствуя лукаво прилагал все силы к передаче техники в колхозы. Каких-либо заминок, а тем более столкновений, конфликтов при этой передаче не возникало. Из года в год складывалась техническая база колхозов. В своей основе она принадлежала государству, машинно-

тракторной станции. Без этой технической базы колхоз не мог, просто говоря, существовать, жить и работать. Поэтому сама передача техники воспринята была колхозниками как кровно необходимое и безотлагательное дело. Внешне же процедура передачи прошла незаметно, без ярмарочного торга. Закрепленная за тракторными бригадами техника, принадлежавшая МТС, теперь переходила колхозу в лице той полеводческой производственной бригады, которую эта тракторная бригада многолетно обслуживала.

Однако не выдержало сердце хлебороба, когда через село Ольгинское перегоняли обновленные тракторы из ремонтной мастерской МТС в колхозные бригады. Рокоча, шли по улице тракторы. Безостановочно передвигались ленты стальных гусениц, оставляя на земле рубчатые вмятины. Подрагивали дома, звенькали оконные стекла. А за ними виднелись улыбающиеся лица хозяек и детей. Женщины кивали головами, приветственно поднимали и помахивали руками, подростки выскакивали из домов, озорно горланя и свистя, бежали за тракторами. Сдержанно улыбались мужчины.

...Всё припомнилось Максиму Денисовичу, встало как наяву. И понятна, близка ему радость колхозников, и какое-то еще чувство живет в нем, тревожит и томит, и никак не уходит, не оставляет его. Зайдет на усадьбу МТС — тихо, безлюдно вокруг. Перелетают серые вороны, садятся где попало. Людские голоса слышны в гараже. Как всегда, здесь гомонятся шоферы. И облегчение почувствует Максим Денисович. Пойдет на голоса. Но с полпути повернет назад, направится в мастерскую. Под ее сводами необычная тишина. Где-либо в побочном цеху приметит молчаливую фигуру. Странно прозвучат слова приветствий. Просторно, незаполненно, как в пустом зале. И разговор все о том же — ну, как, что нового, как жить-работать будем? Направится в контору, зайдет в кабинет. Все в нем знакомо, привычно. Но сейчас и здесь печать отчуждения. Так бывает в хорошо обжитом, а теперь покинутом доме. Без-

молвен телефон. Максим Денисович проходит за стол, тяжело опускается на жесткий деревянный стул. Протягивает руку к папкам для бумаг, перекладывает их поближе. Взял пачку газет и журналов, сложил на правый край стола. Все машинально, без надобности.

Назойливо напоминает о себе встреча с бригадиром Хоменко на дороге. Максим Денисович ехал на автомашине ГАЗ-69. Навстречу линейка с парой коней. Слегка изгиная шею, не крупно перебирая ногами, они нетерпеливо ждали послабления вожжей, чтобы с места взять разгон. «Ишь, играютя», — отметил про себя Максим Денисович, приглядываясь к едущим. Спиной к ездovому, пожилому колхознику, сидел Хоменко. До последнего дня он руководил тракторной бригадой, подчинялся директору МТС. А когда вслед за передачей техники и сами механизаторы потянулись в колхоз, Хоменко от них не отстал. Тем более, что его лично пригласил к себе председатель колхоза Иван Васильевич Божко: «Треба побалакать с тобой. Ты не против колхоза?» — как бы невзначай задал председатель вопрос. После беседы, состоявшейся вскоре, Хоменко перешел из МТС в колхоз имени Сталина, правление назначило его бригадиром второй комплексной бригады.

«А признает ли он меня теперь?» — настораживаясь, подумал Максим Денисович. — Вишь, какой у него бригадирский выезд». И тут же заметил, как, глянув на встречную автомашину, Хоменко сказал что-то ездovому. Тот с силой натянул вожжи, кони, еще круче изогнув шею, почти упираясь мордами в грудь и косясь белками, стали.

«Бувайте здоровеньки, Максим Дынысович!» — оборотясь всем корпусом, приветствовал его бригадир.

«Признал!» — и от этого потеплело на сердце директора.

Не только Байбарак чувствовал себя вышибленным из привычной колеи. Раньше с утра, как начиналась работа, каждый из специалистов знал, с чего ему начинать, где быть. В кабинет директора они заходили нечасто, а разрешив вопрос, торопились уйти. Теперь же, тяготясь

тишины на усадьбе и в мастерской, едва появившись в МТС, сходились гужом, один за другим в директорском кабинете. От затянувшегося перекура сизым становился воздух. В какой раз обговорено казалось бы все, чем должна жить ремонтно-техническая станция. Само слово РТС вытесняло старое, привычное — МТС. Ненужной выглядела вывеска с этим словом над широкими воротами. Но неизвестность о штатах, заминка в отпуске средств на приобретение запасных частей, бесстрастные ответы из Краевого управления сельского хозяйства — ждите указаний, — сковывали инициативу.

2.

Иван Васильевич Божко всегда был занят заботами о колхозных делах. И проснувшись беспричинно за полночь, он не мог предаваться бездумью. Мозг его сразу включался в привычную цепь хозяйственных забот. Деятельная натура требовала выхода, не мирилась с пассивностью. Теперь, когда тракторы и десятки сельскохозяйственных машин перешли в колхоз, Иван Васильевич всю свою энергию переключил на эту новую область. Да, это была огромная новая область хозяйственных дел и забот. Еще вчера тракторы принадлежали МТС, а сегодня стали колхозными. Отпали договорные отношения между МТС и колхозом, разделение на государственное и артельное. А это порождало коренные перемены в колхозе, они были всюду. Теперь от него, Ивана Васильевича Божко, председателя колхоза имени Сталина, а не от директора МТС Максима Денисовича Байбарака зависела работа машинно-тракторного парка. Не одного-двух тракторов и нескольких прицепных орудий, а в подлинном смысле машинно-тракторного парка! Колхозу перешло тридцать три гусеничных и колесных трактора, семнадцать зерновых, один свеклоуборочный, четыре силосоуборочных комбайна. А сколько плугов, культиваторов, сеялок всех марок, в том числе квадратно-гнездовых, сколько других машин! И все это требует не просто догляда, а строгого хозяйского глаза, умелых рук. Нехитрая штука вилы, грабли,

а надо уметь с ними управляться. А что вилы, что грабли перед трактором, перед комбайном! Не всякий сумеет работать на тракторе и комбайне. Да и среди тех, кто может на них работать, не все в одного мастера. Квалификация разная.

Еще комиссия из представителей МТС и колхоза прикидывала, с чего начать и как проводить передачу техники, а Божко с тем, с другим, с третьим механизатором уже успел потолковать. То в поле, на дороге, то на сельской улице, поприветствовав спервоначалу один другого, а там слово за слово и дела коснутся: «Ты не против колхоза?» — будто невзначай подаст вопрос председатель. У трактористов в таком разе один ответ: «А я с жинкой, как знаете, и не отходили от колхоза: хата здесь, усадьба также, дети при нас кормятся». Труднее пришлось с комбайнерами, с этой лучшей частью сельских механизаторов, ее гвардией. Иван Васильевич созвал их в свой председательский кабинет, где привык держать совет с правленцами, своими ближайшими помощниками, специалистами. Сюда он пригласил и комбайнеров. Да не всех, а часть, ровно столько, сколько требовалось колхозу — семнадцать человек. Каждого из них председатель знал лично, в лицо. Тут и Дуганец, и Бобовников, и Пилецкий, и Шейко, и Киреев, и Звягинцев. Начни сеять — любой из них поведет трактор, станет за сеялку, управится с рядовым и квадратно-гнездовым высевом семян. Посади на сенокосилку — преотличный косарь, дай в руки электромашинку — снимет тонко, без изъяна шестикилограммовое руно с овцы. А выведи ему комбайн на пшеничный массив — тут-то и покажет себя Дуганец и все его сотоварищи по труду. Видно сокола по полету, а комбайнера по хлебоуборке. Заслуженно они носят ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, Знак Почета!

Договорился с семнадцатью

комбайнерами, а еще столько в обиде, не соглашаются вступать в другой колхоз. Вот тут и урезонь их!

Побывали в председательском кабинете бригады МТС Семен Константинович Хоменко, Михаил Федорович Плотников. Заглядывали и остальные. До каждого из них у Божко было дело. Председатель понимал, что переход техники в колхоз тогда даст свои благие результаты, когда тракторы и комбайны, все это богатство машин попадет в надежные руки. Такими золотыми руками обладали механизаторы МТС. В массе — это местные жители, потомственные хлеборобы, они сизмальства связали свою судьбу с МТС. Здесь они овладевали зачатками индустриальных знаний, слесарничали, становились трактористами и комбайнерами, механизаторами широкого профиля. Теперь они вместе с техникой переходили в колхоз. Эти люди знали — без них техника мертва, в них — опора председателя колхоза. И это сознание своего места в коллективном труде делало собеседования немногословными, буднично - служебными.

— Бери свой трактор, — говорил Божко.

— Согласен, добре — кивал головой собеседник. — А дэ робыть, в який бригаде?

— Дэ робыл, там и робы.

— А оплата ж яка?

— Така ж як в МЭТЕЭС, а скорийше будэ бильше.

— И смотришь, человек уже в бригаде, и так и этак оглядывает трактор, словно он его не вчера — позавчера, а год назад видел. «Без малку два миллиона карбованцев отдаем за технику» — припоминаются колхозным механизаторам слова председателя. И это воспринималось как напоминание беречь общественное добро.

Однако кое-где тракторы начали заводить без времени, направлять на перевозку воды и кормов. Бригадир и заведующие фермами ссылались при этом на грязь, бездорожье. А грузовые автомашины, способные перевозить в один рейс по несколько тонн, иногда отправлялись с двумя-тремя в них флягами молока. Понадобилось завезти в чабанскую бригаду трех сакманщиков, бригадир

строгой бережливости всюду и во всем.

— Што такое ушивальник? — задавал вопрос колхозник Рыбников.— Кусочек сыромятной кожи, ремешок для ремонта конской сбруи. Ему — копейка цена. А колхоз в прошлом году истратил на те ушивальники семьсот рубликов, как один.

Общественное мнение — лучший ревизор. Едва прошла научная сессия в

выделяет автомашину. В то же время сотни рабочих лошадей стояли в бригадных конюшнях, а если их запрягали, то для всяких личных поездок колхозников или по маловажным хозяйственным надобностям.

Божко и остальные члены правления, коммунисты и многие колхозники своевременно заметили эти случаи бесхозяйственности. Но ограничиться разбором подобных фактов на заседании правления колхоза или критической заметкой в стенной газете — явилось бы полумерой. Это подтолкнуло правление к более скорому внедрению хозрасчета. С помощью Ставропольского сельскохозяйственного института была проделана предварительная работа, установлены лимиты средств и материалов для основных видов работ по комплексным производственным бригадам. Научная сессия кафедры политэкономии в селе Ольгинском привлекла всеобщее внимание, определила невиданную популярность и успех хозрасчета. Люди впервые так остро почувствовали и осознали его великую силу, необходимость режима экономии,

селе, едва ввели хозрасчет в колхозе, как будто подрубили под корень бесхозяйственность ж расточительство.

Сколько раз досаждали председателя требованиями ежедневно выделять для механизированной птицефермы двух автомашин. Теперь оказалось достаточно одной. И так всюду, на любой ферме и в бригаде.

— А доходило до анекдота. Не хватало миски — гоняли за нею грузовую автомашину. Хоть смейся, хоть плачь, — рассказывает, как о чем-то далеком Божко.

У председателя больше стало времени заниматься, по его выражению, капитальными вопросами. О них напоминала сама жизнь. Понадобились гусеницы для трактора «ДТ-54», пришлось на их розыски посылать механика. В Богословской РТС гусениц не оказалось, раздобыли в межрайонном отделении «Глававтотракторосбыта» в Невинномысске. Еще сложнее было достать валы коробки перемены передач. Их не оказалось и в Ставрополе. Председатель сам выезжал, все тщетно.

Послали гонцов к соседям-краснодарцам, но те возвратились с пустыми руками. А в поле начинался сев овса, полным ходом шло боронование зяби. Матвей Игнатенко на тракторе «ДТ-54» управлялся один, без прицепщиков, за световой день забороновать девяносто гектаров вместо семидесяти по норме. Сеяльщик Николай Палащенко и тракторист Иван Зеленый тремя спаренными сеялками в первый же выезд посеяли сорок пять гектаров овса при хорошем качестве. Каждый трактор, любая сеялка и борона — на строгом учете. А тут два дизельных трактора вышли из строя. Есть о чем тревожиться и ломать голову председателю колхоза. Где же взять валы коробки перемены передач? РТС их не имеет, на местных складах нет.

Божко нашел выход — заказал одному из предприятий изготовить колхозу валы коробки перемены передач. Кустарничество? Да. Дорого ли это обошлось? Да, не в одну копеечку,

—А что поделаешь? — спрашивает Божко.

Неподалеку от нового здания правления колхоза поднялся добротный каменный корпус ремонтной мастерской. Монтируются батареи парового отопления. Станки переводятся на электрический привод. До миллиона рублей потребует мастерская. Десять цехов — от моечного до сборочного и красильного — обеспечат «омоложение» тракторов и сельскохозяйственных машин. Рядом полным ходом действует авторемонтная мастерская. Парк грузовых машин все больше пополняется.

3.

Встретиться с бригадиром второй комплексной бригады не так-то просто. «Был,— сообщили на бригадном дворе.— Заглянул на минутку да в степь подался». Когда по грязной, исполосованной глубокими колеями дороге добрались на полевой стан, там сказали то же самое. Только отсюда бригадир поехал к старшему чабану Варакуте. Но и здесь не застали бригадира, он «подался» в соседнюю отару. Только вечером, возвращаясь в село, удалось нагнать бригадирскую линейку.

—В тракторной, у сэбэ, я знал технику, знал механизаторов, а больше ничего,—

простодушно объяснял Семен Константинович Хоменко.— А здесь, в комплексной, треба багато знать.

Да, знать требовалось многое. О наличии тракторов и машин в бригаде Хоменко сообщил, не заглядывая в блокнот.

—А теперь треба шукать справошники, — улыбаясь, пошутил бригадир, залезая рукой в баковой карман пиджака. В одной записной книжке занесены сведения по полеводству, во второй — по животноводству. И эта, казалось, малозначащая деталь показывала возросший объем работ и разнохарактерность обязанностей руководителя комплексной бригады, его единоначалие.

За бригадой — более трех тысяч гектаров земли, преимущественно пахотной.

Здесь и полевой севооборот, и прифермский. Свыше шестисот гектаров отходило на овраги, солонцы и прочие неудобья.

—Косогоры пидут пид виноградники, — обронил Хоменко.

На фермах — полторы тысячи свиней, до четырех тысяч тонкорунных овец, свыше двадцати тысяч кур, в массе своей несушек.

Без малого три тысячи гектаров, половина из них озимой пшеницы на руках бригады. А кроме пшеницы, здесь овес и сахарная свекла, конопля и подсолнечник, просо и кукуруза. Все это богатство, а также фермы скота и птицы доверены ста семидесяти четверем колхозникам, почти две трети из них — женщины.

Приведя эти цифры, Семён Константинович добавил:

—Не дюже богато. Надияться тильки на технику.

В комплексной бригаде по сравнению с тракторной ничто еще не успело измениться: было тракторов семь, столько же сейчас с набором прицепных

машин, включая сюда три квадратно-гнездовые сеялки и четыре комбайна.

— Малувато пропашных тракторив,— озабоченно говорит Хоменко. — Можно казать — одын «Беларусь».

Несколько раз об этом повторял бригадир, видать, что наболело у него на сердце. И как не наболеть, когда кукурузы и подсолнечника тысячу двести гектаров, а кроме «Беларуси» имеется еще старенький, отбегавший свой век «Универсал». Таким «тяглом» не справиться с междурядной продольной и поперечной обработкой посевов, а это — удар по урожаю. Здесь на собственном опыте узнали действительную цену культивации, своевременного, без затяжки рыхления почвы. У всех еще свежо в памяти: в прошлом году, при засухе, только троекратная культивация междурядий сберегла кукурузу. Каждый гектар дал тридцать

четыре центнера зерна. А там, где механизированный уход не был проведен, несмотря на ручную прополку, звенья не добрали половину этого урожая.

«Треба ще два трактора «Беларусь»,— поясняет Хоменко. — Це тильки-тильки управиться.

Правление колхоза, заглядывая вперед, составило план закупки тракторов и машин на ближайший период. В нем заявка и на пропашные тракторы по маркам: восемь «ДТ-24», шесть «Беларусь».

—Нам треба такой трактор, — пересыпая речь украинскими словами, убежденно,

как о давно продуманном, заявляет Иван Васильевич Божко,— шоб вин и плуг потягнул, и культиватор, и тот же комбайн, и платформу-тележку.

И сделав паузу, досказал:

—«Беларусь» подходит для этого, це — колгоспный трактор!

Иван Васильевич прослышал уже и о новом самоходном комбайне «СК-3». Прослышали и колхозники. У всех одно желание — вот бы нам такую машину! Хотя бы одну, чтобы глазком глянуть, увидеть ее самим на уборке.

—На нем же один работяга: комбайнер! — выставив для большей

убедительности указательный палец и придвигаясь к собеседнику, доверительно сообщает Божко.— Один, понимаете? А на нашем прицепном — семеро. Можно перечислить, не велико дило. Слушайте!

Пригибая палец за пальцем к ладони, Божко называл работников комбайнового агрегата:

—Комбайнер — это вам раз, а у него помощник, штурвальный — это два, да два копнильщика, це уже четверо, да один, а то и два хлопца присматривают за выгрузным шнеком, а ще имеется тракторист да с напарником. Вот и все семеро!

Божко сокрушенно поводит крупной головой, осуждающе поднимает и опускает правую руку.

Прекрасно это желание, неукротимая тяга к приобретению новой и новейшей техники. Без нее нельзя добиваться всесторонней комплексной механизации колхозного производства, дальнейшего резкого снижения себестоимости продукции. Такое отношение к технике воспитано у колхозных руководителей, у колхозников нашей Коммунистической партией, всем строем нашего образа жизни.

А как страшно далеко это от крестьянина-единоличника, для которого простенький конный плужок являлся пределом мечтаний! Какие огромные, невиданные в веках социальные и экономические сдвиги должны были свершиться, стать реальностью, повседневностью, бытом, чтобы ограниченный мир крестьянина-собственника стал широким, безграничным миром колхозника!

Как многое должны сделать ремонтно-технические станции, чтобы удовлетворить эту жажду колхозной деревни к новой и новейшей технике, снабжать и вооружать совершенными умными машинами колхозы на современном этапе их крутого подъема, к изобилью.

4.

Слякотная холодная весна выпала в этом году. Сквозь завесу туч редко прорывалось солнце. Мокли под неторопливыми дождями, чем-то напоминающие осенние, темные, землистые

поля. Озимые и те не ходко шли в рост, а яровые и не опознать: нет всходов.

Двойное чувство боролось у колхозников. Они радовались обилию влаги, как может только радоваться человек, до конца знающий дорогую цену дождю, осадкам в-ставропольской степи. И тут же тревога закрадывалась в сердце — а когда же объявится вешняя теплынь и потянет из семян на белый свет бесчисленные ростки, укроет буйной зеленью землю?!.. Отбирая у затянувшегося ненастья крупницы времени, когда чуть только распогоживалось, колхозники сеяли сначала овес, коноплю, многолетние травы. А тут подошли сроки для сахарной свеклы, подсолнечника, а затем и кукурузы. Напряжение нарастало не по дням, а по часам.

Газик-вездеход с Максимом Денисовичем Байбарак вновь забегал по дорогам, держа путь к полевым станам, к тракторам и сеялкам. Ревниво приглядывался он к тракторам, а увидев стоящий трактор на загонке, сразу же сворачивал к нему. «Не авария ли? — приходило опасение.— Хозяева новые». Узнав, что у трактора вышло горючее, а горючевоз «десь задержався», Максим Денисович разыскивал бригадира или учетчика.

— Живемо самостоятельно, як ти жаворонки,— с благодушной иронией сказал ему тракторист в колхозе имени Чапаева.— Нема начальства — ниякого беспокойства.

Сумрачным вернулся с поля в тот день Максим Денисович. Ведь в этот колхоз, по просьбе председателя, перешел на постоянную работу механик Солонин. «Смотри, Василий Григорьевич,— давал ему напутствие Байбарак, — ты наш глаз над техникой в колхозе». Теперь выяснилось, что Солонин мотается по всяким складам, по всяким хозяйствам в розысках запасных частей. «А в поле нос не каже» — кололи слова насмешника-тракториста. И чем сильнее ополчался Байбарак на механика, чем более ярился и поругивал в сердцах, тем больше сознавал свою вину. Не метался бы Солонин вдалеке от колхоза, не превратился бы

в снабженца, будь необходимые детали в ремонтно-технической станции. Только во втором квартале станция не получила восемьдесят тысяч рублей на приобретение запасных частей для тракторов и сельскохозяйственных машин. Крайсельхозуправление не профинансировало. «Вот тут и оказывай техническую помощь» — не успокаивался Байбарак. Но когда в РТС появился Солонин, изрядно перепало ему от директора.

В колхозе имени Сталина едва успевали завозить нефтепродукты.

— Иван Васильевич,— вызвав председателя к телефону, говорил Байбарак, — а знаешь, сколько у тебя горючего пожгли?

Председатель заверял, что «повесит большой замок на горючем».

Байбарак все более входил в новую колею. Исчезла тягостная неудовлетворенность, состояние неустроенности. Перелом произошел после проведения семинара по квадратно-гнездовому севу. На него съехались в РТС ни одни комбайнеры и трактористы. У сеялок гомонили и председатели колхозов. Заодно с ними и секретарь райкома партии Д. Симонов, и председатель райисполкома А. Игнатов набивали руку на регулировке высевающих аппаратов, вникали в профессию машиниста — делателя зеленых квадратов.

Давно-ли это было? А уже отсеялись колхозы. Еще немного и поля изрешетили веселые всходы подсолнечника, сахарной свеклы, кукурузы. Деловито заходили тракторы — началась культивация.

В мастерскую РТС поступали колхозные тракторы, выработавшие свою норму для сложного ремонта. По-прежнему постукивала электростанция, снабжая энергией цеха.

К дорожно-мелиоративным работам по договорам с колхозами приступил специализированный отряд механизаторов.

Жизнь развертывалась во всей своей многогранности, в бесконечной смене дел И забот, в созидании.

